

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва • 2025

**УДК 811.16
ББК 81.41
и 88**

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакция:

д.ф.н. *А. Ф. Журавлёв* (отв. редактор серии),
к.ф.н. *Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая* (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. *М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. *Е. В. Колесникова*, к.ф.н. *М. В. Ясинская*

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

**ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589**

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>C. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>o</i> - и <i>u</i> -основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах	5
<i>Сладжсана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>C. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>I. A. Букринская, O. E. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>I. A. Марченко, P. B. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>A. B. Малышева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>M. H. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбом.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>H. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>T. B. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>A. B. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах	326
<i>D. H. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>C</i>	345
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>T</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко.</i> Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)	407
<i>Н. И. Муравлева.</i> Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево	426
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)	442

М. Н. Толстая
(Москва)

Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая

В статье на материале опубликованного корпуса диалектных текстов рассматриваются отдельные синтаксические и морфосинтаксические черты украинского закарпатского говора села Русская Мокрая: оборот *accusativus cum infinitivo*; *dativus possessivus* личных местоимений; пассивные конструкции с возвратными формами глаголов; перфект совершенного вида для выражения неоднократного действия (может быть продолжением древнего имперфекта совершенного вида); ирреальные условные конструкции без **by*; союзы в конце фразы (эмфаза); эмфатическое употребление союза *коли*. Эти явления рассмотрены на общем фоне закарпатского диалекта украинского языка; ряд из них обнаруживает параллели в южнославянских и западнославянских языках.

Ключевые слова: украинский закарпатский диалект, синтаксис, *accusativus cum infinitivo*, *dativus possessivus*, пассивные конструкции, имперфект совершенного вида, условные конструкции, плюсквамперфект, конечные союзы, эмфаза, карпатско-южнославянские параллели

В двух предыдущих выпусках «Исследований по славянской диалектологии» нами был опубликован небольшой корпус текстов из села Русская Мокрая (Руська Мокра), записанных весной 1995 г. во время экспедиции Института славяноведения [Николаев, Толстая 2021; 2023]. Украинское село Русская Мокрая Тячевского района Закарпатской области расположено в центре Украинских Карпат, в отрогах хребта Горганы, на высоте около 600 м, в долине реки Мокрянка в 5 км от впадения ее в р. Тересву. Говор Русской Мокрой принадлежит к закарпатскому диалекту; по рефлексу **ō* > и в новозакрытых слогах он должен быть отнесен к восточно-мармарошским говорам, однако некоторые черты его фонетики и акцентологии характерны для западной части закарпатских говоров и не характерны для мармарошских. Для публикации были отобраны расшифровки аудиозаписей, записанных А. И. Рыко и Ю. В. Стрельниковой у Анны Михайловны Полага (1914 г. р.). Она прожила всю жизнь в родном селе и была незаурядным человеком, говорила на нескольких языках: есть дан-

ные о ее знании венгерского (в 1939–1945 гг. Закарпатье относилось к Венгрии, и это был язык администрации), немецкого и идиша (немцы и евреи до Второй мировой войны жили в Русской Мокрой и окрестных селах), знала русский и литературный украинский. В разговоре с собирателями из России она часто употребляла русские и литературные украинские выражения, но это никак не умаляет богатство и аутентичность ее прекрасной диалектной речи. Подробнее об истории села, его говоре и информанте см. [Николаев, Толстая 2021].

Опубликованный корпус текстов составляет около 25 000 слов; такой объем позволяет делать системные наблюдения над грамматикой говора. Настоящая работа имеет целью проиллюстрировать несколько синтаксических и морфосинтаксических черт, в разной степени свойственных закарпатским говорам.

1. *Accusativus cum infinitivo*

Речь идет о классической синтаксической структуре, в которой сказуемое, выраженное глаголом восприятия, мышления, речи, управляет прямым дополнением и инфинитивом, представляющими собой действие и его субъект; такая конструкция синонимична сложному предложению с придаточным изъяснительным. Материал говора Русской Мокрой (как и вообще имеющийся закарпатский материал) ограничен только глаголами чувственного восприятия, а именно *видіти* ‘видеть’¹ и *чuti* ‘слышать’.

Колі давнó д'їтýна никреишéна умérла, та ходíла у ночí ревучí, за хрéс том. Тод'ї трéба бýло вз'áти кусóг б'íлой матéрий, перекрестýти, та упов'íсти: «Аш из' д'ївка, бут' Mar'íčka, аш ис' хлóпез', бут' Івáн», як чýйт мý д'їтýну ревáти, та.. кíнути тóм платóк — б'íл'ше вná ни йдé пак плáкати. ‘Когда раньше умирал некрещеный ребенок, то ходил по ночам и плакал по кресту. Тогда надо было взять кусок белой материи, перекрестить, и сказать: «Если ты девочка, будь Маричка, если ты парень, будь Иван», когда слышат, что этот ребенок плачет, и кинуть этот платок — больше он потом не ходит с плачем’.

Нó ѹ д'їсно, казáла мóя дочкá пок'íйна, шчо кúл'ко гл'áнула в ночí на оболок, i в'íd'ila тám якýс' бáбú стойáти. Йакóгос' т'ína в'íd'ila стойáти. ‘Ну и действительно, говорила моя дочка покойная, что как взгля-

¹ В Русской Мокрой (как и в ряде других известных нам говоров) этот глагол имеет инфинитивную основу с *i* в первом слоге (*в'íd'i-*) в силу прогрессивной аккомодации перед мягким согласным и вокальной гармонии с последующим *i*.

нула ночью на окно, и увидела, что там стоит какая-то баба. Видела, что какой-то тип стоял'.

«Мáмо, ѹá вже чула кукýшку, айбо, — кáже, — лиши рáз закýкала». — «А, — кáжу, — мóже д'íти-с' чула у дéбри óнде кýкати». «Мама, я уже слышала кукушку, но, — говорит, — только раз прокуковала». — «А, — говорю, — может ты слышала, как дети там на склоне куковали».

Нó и гáда ни в'íðili с'me. Так, л'íтами, гáда. ‘Ну и змею мы не видели. Так, чтобы змея летала’.

Кўл'ко у меңе на руқаҳ, робўла-м сан'итаркоў годы, кўл'ко у меңе на руқаҳ л'удеёй умерало, тақ йа не в'ид'ла никоѓо лёхко умेरти, иак онá ўмेरла.
‘Сколько у меня на руках, я работала санитаркой годами, сколько у меня на руках людей умирало, так я не видела никого, кто бы так легко умер, как она умерла’.

Конструкция *accusativus cum infinitivo* отмечалась в закарпатских говорах, но, по-видимому, является достаточно редкой. В. В. Нимчук в энциклопедической статье о закарпатском диалекте приводит пример чу́ї *го с'мійáтис а* «чув, як він сміявся» [Німчук 2004: 191]. В диалектных текстах, опубликованных И. Панькевичем, находим: *a uš'ylka č'él'ad' ut'íkla z ch'izí, jak vyd'ilá umerloho ust'aty* [а все люди убежали из хаты, когда увидели, что мертвый встал], с. Ляховцы (Ляхівці, ныне Ужгородский р-н) [Панькевич 1938: 474]². Встречается эта конструкция и в современных текстах, записанных по-закарпатски (западный, т. е. ужанский, тип), а именно, в телеграм-канале «Анекдоты по-закарпатски» [ТКАЗ]: *Мужик заходит дому из живов козов на руках тай видит жену сидит перед телевізором* ‘Мужик заходит домой с живой козой на руках и видит жену, которая сидит перед телевизором’ (21.08.2023); *Келнер пак приходить из заказков тай видит мачку строчити дашто на новтбукови* ‘Официант приходит с заказом и видит, что кошка строчит на ноутбуке’ (22.08.2023); *Но короче, виоз им ся дому з роботы, та увидів им збоку дороги стояти дівку* ‘Ну короче, я ехал домой с работы и увидел девушку, которая стояла на обочине дороги’ (02.03.2024) и др. Однако упоминаний об *accusativus cum infinitivo* не

² Ср. также пример несколько иного рода (не с глаголом чувственного восприятия) из украинского «палеогуцульского» говора с. Русково на территории Румынии: *Кождай хлопе^uц с'аде кілó свої д'іїч'ини та_ј не^u лишáє ji пр'асти* ‘Каждый парень садится около своей девушки и не дает ей прядь (букв.: не оставляет ее прядь)’ [УГР: 154] (о «палеогуцульских» говорах см. [Николаев 2012: 72, сноска 49]). Здесь и далее при цитировании опубликованных источников сохраняется орфография оригинала.

удалось найти в диалектных описаниях и в многочисленных грамматиках русинского языка, основанного на закарпатском диалекте.

Конструкция *accusativus cum infinitivo* известна западнославянским языкам — словацкому и чешскому, а также в истории польского языка, где она сохраняется в некоторых диалектах (говоры Поморья, Великопольши и южной Малопольши) [Kucharczyk 2024]. В польской научной литературе широко распространено мнение о латинском влиянии в истории польского языка, но в отношении польских диалектов говорится также о немецком влиянии и о заимствовании этой конструкции из польского литературного языка [там же; Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1964: 436]. С. Кропачек в фундаментальной работе, посвященной обороту *accusativus cum infinitivo* в истории и диалектах польского языка, допускает также словацкое влияние для говоров юго-западной Малопольши [Kropaczek 1928: 486, 491]. В отношении украинских закарпатских говоров, очевидно, возможно предполагать словацкое влияние для западной (ужанской) территории Закарпатья, однако для восточного и достаточно изолированного говора Русской Мокрой такое объяснение не годится. В нашем случае, если говорить о заимствовании, по-видимому, следует предполагать именно немецкое влияние. Известно, что в Закарпатье, как и в Чехии и Словакии, было внушительное немецкое население (в частности, именно в долине Тересвы, а также около Мукачева). Известно, что в 1930 г. на территории Закарпатья проживало почти 13 тыс. немцев; в соседних с Русской Мокрой селах Усть-Чорна и Немецкая Мокрая они составляли большинство населения, а в самой Русской Мокрой — более трети: их насчитывалось 446 из общего числа жителей 1270. Немецкие (австрийские) переселенцы появились в долине Тересвы в 70–90-х гг. XVIII в. в результате реформ Марии Терезии [Макара, Офіцинський 1995: 9, 11]; память о Марии Терезии до сих пор сохраняется в устных преданиях (см. [Николаев, Толстая 2021: 238, 264])³.

³ Оборот *accusativus cum infinitivo* известен также в венгерском языке ([Károly 1954: 149] — благодаря Д. Ю. Ващенко за указание на этот источник); в румынском он считается утраченным [Кабанова 2010: 207]. Из южнославянских он отмечается в грамматиках словенского [Торогиšič 2000: 401] и хорватского языков [Katičić 1986: 472]. Можно найти аналоги и в восточной южнославянской зоне, где инфинитив заменяется *да*-конструкцией:ср. серб. *videla sam ga da vozi bicikl* ‘я видела, как он ехал на велосипеде’ [srWaC]; болг. *видях го да прибира спринцовката* ‘я заметила, как он спрятал спринцовку’ [УКРБТ]. Но в старославянском оборот *accusativus cum infinitivo* очень ограничен и считается чуждым, при этом не отмечается с глаголами чувственного восприятия [Haderka 1964].

2. Dativus possessivus личных местоимений

«Дательный принадлежности» личных местоимений — конструкция, соответствующая сочетанию притяжательного местоимения с существительным. Как правило, в таких оборотах употребляются краткие (энклитические) формы местоимений:

Нó пушиóв бráт му на р'íку, вíдит, ишо плынé кréст, дўже фáйный, с'в'ítит с'a на вс'у р'íку хрéст. ‘Ну пошел его брат на реку, видит, что плывет крест, очень красивый, светится на всю реку крест’.

жсона́ мu ни пришлá была з вечéр'ов с'уды ‘его жена не пришла с ужином сюда’.

Дв'í с'a встáли жсónы так'í, ишо при маð'áрах ѹíм л'úде умélli, йá та ичé вднá. ‘Две остались женщины такие, что при венграх их мужья умерли, я и еще одна’.

Спечé, напечé колачу, наготовит доброго та сыну соб'í несé ‘Спекет, напечет пирогов, наготовит вкусного и сыну своему несет’.

Нó вже потóму вна мýс'ila ттó робýти, наварýти, ишо вже наварýт, хот' ѹакóйи бурды, а сыну соб'í доброго! ‘Ну уже потом она вынуждена была это делать, наварить, что уже наварит, любой бурды, а своему сыну вкусного!’

В Русской Мокрой встретились именно основные, «ядерные» употребления такого датива — по отношению к родственникам (встречающиеся во всех славянских идиомах, которым известен посессивный датив личных местоимений). Эта конструкция встречается и в других (не всех) западнославянских говорах, в том числе и в более широком употреблении. В. В. Нимчук отмечает ее как характерную черту западнославянского диалекта, приводя примеры: *óтиц' ми* «мий батько», *мáти ти* «твоя мати», *д'íдик нам* (‘наш дедушка’), *сус'їdýj нам* «нашого сусіда» (‘наших соседей?’), *мáтери собí* «твой матері» [Нимчук 2004: 191]. Ср. еще: *корóва с'акá мu* иде, лиши *плетé ногáми* ‘корова его такая идет, едва ногами перебирает’, с. Стеблевка (Стеблевка, Хустский р-н) [Добош 1971: 57]; *Адде помер цíмбора ми*. *Коли'м стояв коло могилы мu, та вповів им...* ‘Недавно умер мой сосед. Когда я стоял около его могилы, то сказал...’ [ТКАЗ, 31.08.2023].

Dativus possessivus личных местоимений издавна упоминался в качестве карпатско-южнославянской параллели [см. об этом: Нимчук 1988: 295]. И. Панькевич считал его архаизмом, сохранившимся в западнославянской зоне, приводя пример его употребления в древнерусском: *Повъда емоу брата ти Игоря оубили* (Ипатьевская летопись) [Панькевич 1937: 311].

3. Пассивные конструкции с возвратными формами глаголов

Пассивные конструкции с неопределенным агентом, представляющие трансформацию неопределенно-личных предложений с переводом переходного глагола несовершенного вида в возвратную форму (чаще в настоящем времени), широко распространены в рассказах о народных обычаях и традиционных занятиях, т. е. при описании общепринятых повторяющихся действий:

дў́же фáйно прázнү́е с'a Рождество́ Христóво ‘очень красиво празднуют (празднуется) Рождество Христово’.

кáжут, и́что хре́н за ттó с'a с'атýт, абы́ ни бол'íти, тай часнóк ‘говарят, что хрен для того освящают (освящается), чтобы не болеть, и чеснок’.

Часнóк зелéный, хр'íн кладемé, тотó пérвый rác yíc' с'a на Пásху, абы́ л'úде ни хвор'íли. ‘Чеснок зеленый, хрен кладем, это первый раз едят на Пасху, чтобы люди не болели’.

Идúт на Стрáс'ú до цéркви тám. У ночí ттó слúжит с'a. ‘Идут на Страсты в церковь там. Ночью это служат’.

То пál'at с'a тотý с'в'íчкý в цéркви, гор'átm. ‘Это зажигают (зажигаются) эти свечки в церкви, горят’.

Такое употребление пассивных конструкций известно во многих западнокарпатских говорах,ср.: *D'erevo s'a po'imati rub'aty do s'ahû klaždyč čas, do kłocí oktobra, sept|embra i nov|embra.* ‘Дерево берут в рубку на кругляк в любое время, на строевой лес — в октябре, сентябре и ноябре’, с. Нанково (Хустский р-н) [Панькевич 1938: 443]; *U rílatnic'u rus'al'nu s'a rve tučnøje z'íl'a u hor'otcy ta kladéš'a u chýži* ‘В Русальную пятницу рвут сочную зелень в палисаднике и кладут в доме’, с. Нижний Быстрый (Нижний Бистрий, Хустский р-н) [там же: 445]; *C'atýi víčýr naстайé / ýc'i nóst'maç:a / до víчора с'a ни ic'm' / iz ob'ída почínaç:a варýti вichýr'a* ‘Наступает Сочельник, все постятся, до вечера не едят, с обеда начинают готовить ужин’, с. Горонда (Мукачевский р-н) [УЗГТ: 74].

Однако «тривиальность» этой конструкции оказывается не столь однозначной в примерах, где отсутствует ожидаемое согласование по числу:

Йáйç'a daíé с'a в Жíвный четвér. ‘Яйца дают в Чистый четверг’.

Такýй хл'íбеç', тám покláduð dév'iað' зерén pшeníç'i, dév'iam', и три зупкý часныká с'a кладé в ттó. ‘Такой хлебец, там положат девять зерен пшеницы, девять, и три зубчика чеснока кладут туда’.

... пál'at на Пásку ttý c'v'íčku.. коло цéркви, як с'atýt паскý, ta c'v'íčký c'a na násku kladé ta.. nálit c'a ttá c'v'íčka. ‘...зажигают на Пасху эту свечку, около церкви, когда освящают куличи, и вставляют свечки в кулич, и зажигают эту свечку’.

Наконец, в следующих примерах ясно видно, что речь идет о параллельной безличной конструкции с винительным падежом объекта действия:

Дóшч пак идé, яаг жéабу уб'йé c'a. ‘Дождь потом идет, если убить лягушку’.

Тоты c'v'íčky, коли л'удýna вмераíe, томý c'v'íčku c'a nálit. ‘Эти свечки, когда человек умирает, эту свечку зажигают’.

Дúже фáйну вытпrávu слúжит c'a. ‘Очень красивую службу служат’.

Примеры пассивных конструкций с винительным падежом объекта (наряду с именительным) известны и из других говоров, ср.: *Коли капус-ту c'a приклáde ў бóчку, ta кладут kámín'* ‘Когда капусту сложат в бочку, кладут камень’, с. Синевир (Межгорский, ныне Хустский р-н) [МКЭ]; *i sa |duhy |skladuje* ‘и складывают дуги (при изготовлении бочки)’; *toh'duj sa na l.líje |vody* ‘тогда наливают воды’ (с прямым дополнением в род. п.), с. Новоселица в восточной Словакии [РП: 29]; *B'itmák кладé si víkna, v'itmák вер víkon si кладé очépi* ‘Вот так делают окна, вот так сверху окон кладут перекладины, которые держат окна’, с. Вишавская Долина (Вишавська Долина) в Румынии [УГР: 191]. В примерах с пассивной *ся*-конструкцией в прошедшем времени конструкции с именительным падежом объекта действия ненейтрализуются формально с винительным падежом (кроме ср. р. ед. ч.) в силу согласования не только по числу, но и по роду. В диалектной записи из г. Иршава (боржавский говор) в рассказе о Рождественском сочельнике на 7 случаев номинативной конструкции один раз употребляется аккузативная, с формой глагола в ср. р. (ниже выделено двойным подчеркиванием): *На сáмыи C'atýi véčýr спériu c'a годовálo худóbu / a лиšé no'tómu c'a прибираý стýl фáноў b'iloў скáte"rt'oў [...] тай клális'c'a на н'óго стрávy* ‘В самый Сочельник сначала кормили скотину, а только потом накрывали стол красивой белой скатертью [...] и ставили на него еду (закуски)’, г. Иршава (и трижды использована активная неопределенноподличная конструкция с глаголом во мн. ч.) [УЗГТ: 85]; ср. также в тексте из с. Сокирница (Сокирница, Хустский р-н): *g'rósh'i c'a |t'mashko зарðbl'alo на стрóbky / a пак стрóbílos'c'a // спériu pylos'c'a в зе"mni фундамéнт / шалунки ко палис'c'a* ‘На строительство с трудом зарабатывали деньги, а потом строили. Сначала рыли

в земле фундамент, копали траншеи'; *ч'и|нилис'а |вал'кы / |тиглы не^u* 'было так / ги *ти|тир / а |вал'кы ро|билис'а ма|к'i* из глины 'Делали саманные кирпичи, кирпичей не было так, как сейчас, а делали такие саманные кирпичи из глины' [Сабадош 2008: 465].

Таким образом, в говоре Русской Мокрой (как и в ряде других закарпатских говоров) мы имеем дело с двумя типами пассивных конструкций с возвратными формами глаголов. В первом из них объект действия выступает в именительном падеже, в качестве подлежащего; этот тип известен всем славянским языкам [Meyer 2010]. Второй тип представлен безличными предложениями, где объект действия выступает в качестве дополнения в винительном (или родительном) падеже. Такие конструкции существуют в польском языке⁴, однако в силу культурно-исторических причин предполагать непосредственное польское влияние в закарпатском диалекте трудно. В украинском литературном языке известны только конструкции первого типа; они считаются сугубо периферийными и свойственными только языку научных текстов, и их нормативность остается дискуссионной (поскольку нормативное предпочтение отдается активным конструкциям) [Лавринець 2013; Гінзбург 2014].

В пассивных конструкциях с возвратными глаголами в закарпатских говорах нормально употребляется несовершенный вид глагола, однако это правило не абсолютно (см. выше пример *йаг жа́бу уб'йé с'a*, а также примеры из с. Синевир и Новоселица). Ср. ниже об употреблении совершенного вида в прошедшем времени в том же типе повествования (описание обычного порядка вещей).

Для закарпатских говоров следует отметить также примеры безличных конструкций с возвратными формами глаголов без прямого дополнения или непереходных — ср. выше пример *до вýчора с'a ни іс'т'* 'до вечера не едят', с. Горонда (Мукачевский р-н), а также: *майбў́л'ше ходíлос'a п'ышкы* 'больше всего ходили пешком', с. Брод (Брід, Иршавский, ныне Хустский р-н) [УЗГТ: 84]; *Через двá-три тýжн'i зачáло с'a ў горóдах косítы* 'Через две-три недели начали косить в городах'; *Тыждин' гøyín'a не сновáло с'a, не снуýт* 'Неделю [Рождественского] поста не сновали, не снуют', с. Синевир (Межгорский, ныне Хустский р-н) [МКЭ], которые прямо соответствуют аналогичным инославянским кон-

⁴ Ср.: *Bierze się kwaszoną kapustę. Dodaje się soli. Gotuje się 15 minut, piecze się, wyjmuje się z pieca* [Bąk 1984: 410–411].

структурям,ср.польск.*Wtedy nie chodziło się tak daleko* ‘Тогда не ходили так далеко’ [NKJP]; сербск. *Gorile su vatre, peklo se, kuvalo i jelo* ‘Горели костры, (люди) жарили, варили и ели’ [srWaC] и т. п.

4. Перфект совершенного вида для выражения неоднократного действия

Речь идет об употреблении совершенного вида глаголов по отношению к повторяющимся действиям в прошлом (параллельно с несовершенным видом), например:

...давно ни так, как *тепέρ*, давно чим с'а врёдила д'итына, та́кой зра́зу мыли. Клали в ванночку, покупали, и пови́ли. То зра́зу змыва́ли з д'итыны. ‘Раньше не так, как сейчас, раньше, как только родился ребенок, так сразу мыли. Клали в ванночку, купали и пеленали. Это сразу смывали с ребенка’. *Коли* давно д'итына никреши́чена умे́рла, *та* ходи́ла у ночи ревучи́, за хрéстом. ‘Когда раньше умирал некрещеный ребенок, то ходил ночью и плакал по кресту’.

А ттá корóва, йак об'ít, та́к ход' вýтки, утеклá ход' вýтки с пáши, здалеку вт'иклá и пр'áмо т тóму кáм'ин'ови ишиá. ‘А эта корова, как обед, так хоть откуда, убегала хоть откуда с пастбища, издалека убегала и шла прямо к этому камню’.

Осíка. Та с тóго брали.. бóту таку́, б'игáр', та коли́ корóва с'а ма́ла телíти, та чинíли свéрлом, просвердлíли у порóз'i, та здо́йли пéришої кулáйстры, коли́ телíц'а с'а пéришої rác телíла. Та в тоту́ д'íрку сýпали тóй кулáйстры, та тýм чóпом из осíки забивáли. ‘Осина. Из нее брали.. палку такую, чурку, и когда корова должна была телиться, то делали сверлом, сверлили такую дырку в пороге, и надавали первое молозиво, когда телка в первый раз телилась. И в эту дырку лили это молозиво, и этой затычкой из осины забивали’.

Начинали хýжсу стрóйти, на вс'их четыр'ох углах клали дору́, дорá, шко в цéркви слýжсит с'а проскомéдийа нат тýм хл'íбом, та клали у кáжзыи вугóл, тóто заверт'илиц свéрлом, и тáм закладáли с'ачéну сúл', дору́, часнóк. То дýже нáтвердо чóпиком та́кым затакáли ттó тám. Та ходи́ли моли́ли с'а, на тýм фундáментови, та́к стрóйти начинáли. ‘Начинали строить дом, на всех четырех углах клали просфору — просфору, что в церкви служат проскомидию над этим хлебом, — и клали в каждый угол, это закручивали сверлом, и туда закладывали освященную соль, просфору, чеснок. И крепко-накрепко затычкой такой затыкали это там’.

Такие формы могут употребляться и параллельно с глаголами в настоящем времени:

Прийде тотá до хýши, котrá выдобрала. Но, ишó чинíти. Пýде давн'ї были май розумн'i. Уз'áли дойти нáвхрест корóву, зáдний дбóйок тай перéдний. И пак изнóв, на дрúгый бук тák нáвхрест дойат, на.. [...] моло́ко берут, на ковбáн кладут та сокýров с'icáti. ‘Прийдет та в дом, которая отбрала [у коровы молоко]’. Ну, что делали. Люди раньше были поумнее. Брали доили крест-накрест корову, задний сосок и передний. И так снова, с другой стороны так крест-накрест доят. [...] берут молоко, кладут на колоду и рубят топором’.

Пéршу нýч, котrá бýла д'íвка чéсна, ни йишилá л'igáti с хлóпц'ом. Пéршу нýч н'i, ни л'igáli, до рано тан'ç'овáli, гул'áli. А ни л'igáli, ни йишилá спáti. І котrá д'ívka бýла чéсна та ган'бýла с'a, ттáни пушлá спáti. А котrá бýла май такá, та пушлý спáti собí, лíшат гóс'ç'у в хáм'i, гóс'ç'и гул'áйут, п'йýт, а вонý собí спл'áti. ‘В первую ночь [во время свадьбы] девушка, которая была порядочная, не шла ложиться с парнем. Первую ночь нет, не ложились, до утра танцевали, гуляли. А не ложились, не шли спать. И девушка, которая была порядочная и стыдилась, не шла спать. А которая была больше такая, то шли себе спать, оставят гостей в доме, гости гуляют, пьют, а они себе спят’.

По-видимому, использование глаголов совершенного вида в отношении повторяющихся действий в прошлом в закарпатских говорах распространено широко. Ср.:

дáйно зойшилís'a / колý д'íjкý хóчт'ílis'a од:авáти / но та зойшилís'a до кóрчмыº двóме так'i / шо маў сýна / д'íjку / но та там помáлу вутивали / но там договóр'увалис'a ‘Раньше встречались, когда девушкам пора было замуж, встречались в корчме вдвоем такие, у кого был сын, дочка, и там немного выпивали и договаривались’, с. Русские Комаровцы (Руські Комарівці, Ужгородский р-н) [УЗГТ: 50];

та сам'i з'me полóтно ткали // дóйга се бý'ла робóта [...] д'íjкý зойшилís'a уд нам i мн'áli з'me тótm'i кóнóпл'i ногáми [...] а мы с:истрóу тótm'i ниткý на ү'íjку вýли i ў чóбýник клáli // а мáма ткали [...] увéс'н'i полóтно намóчили з'me у вóddy i ýb'ili на сónç'u ‘И мы ткали полотно. Это была долгая работа [...] Девчата сходились к нам, и мы мяли эту коноплю ногами [...] А мы с сестрой эти нитки вили на цевку и клали в челнок, а мама ткала [...] весной полотно мы мочили в воде и белили на солнце’, с. Жнятино (Мукачевский р-н) [УЗГТ: 54];

Та пак тóтó с'ino бráло с'a у верéту, тай замéла с'a хýжса, та т тóтó, та тóтó ýнесло с'a дис' ónde та запалýlo с'a ónde ци на нýвi, ци дíic'

ónde за хýжоу ‘Потом это сено складывали в полотно, и подметали дом, и [добавляли] к нему, и это выносили куда-нибудь туда и поджигали там или на огороде, или где-нибудь там за домом’, с. Синевир (Межгорский, ныне Хустский р-н) [МКЭ].

Ср. также употребление глагольных форм в рассказе о Рождественском сочельнике:

колý йа ичи бýла малá / сигін'áтко н'áн'ко с'а ўð'iváþ у Icýsика // на п्लíч'i браþ ве"лýкý м'ix / а ў м'ix клаþ ор'ixi / конфéты / коп'йкý // мáти розм'ítовала по д'íл'ови с'íно ѹ сôлому // а мы / мал'í д'íти / сид'íлиз'ме за столом i че"кали Icýsика // чўйе"ме / хтос' лúпит' у двíр'i / мы ўже знали / же то Icýsик // мáти му открыла двíр'i / а вун обышоу три рас стул / нобýу пáлиц'оу по стол'í почаú из м'ixa вишткой сýпати по зéмли // мы с'а спочáтку бойали збë"рати / а йак вун пушоу гет / та з'me с'а хот'ли побýти на тых коп'íйкákх // а путум' / дас чéре"с пүүгöдины / н'áн'ко с'а ўже ве"рнýу ic с'ачéноу водбóу у рукáх // дálше ходили у стайн'у из мám'ip'оу [...] путум' из'me с'íдали за стул вичíр'ати... ‘Когда я была еще маленькая, бедняжка папа одевался Иисусиком, взваливал на спину большой мешок, а в мешок клал орехи, конфеты, монетки. Мать разбрásывала по [полу] сено и солому, а мы, малые дети, сидели за столом и ждали Иисусика. Слышим, кто-то стучит в дверь, мы уже знали, что это Иисусик. Мать открывала ему дверь, а он обходил трижды стол, бил по-сохом по столу и начинал всё из мешка рассыпать по земле. Мы сначала боялись собирать, а когда он уходил, то мы чуть не дрались за эти монетки. А потом, где-то через полчаса, папа уже возвращался со святой водой в руках. Дальше ходили в хлев с матерью [...] Потом мы садились за стол ужинать...’, с. Турьи Реметы (Тур'я-Ремета, Перечинский, ныне Ужгородский р-н) [УЗГТ: 41].

Такие употребления глаголов совершенного вида часто появляются в рассказах о традиционной культуре, об обычаях и обрядах, т. е. о жизни в прошлом, когда речь идет о типичном ходе вещей. Легко заметить, что представленное здесь значение соответствует «кратно-перфективному» значению бывшего имперфекта совершенного вида, а именно «много-кратно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1954: 81]. Можно предположить, что совершенный вид в таких конструкциях остался именно от этой формы. А. А. Зализняк, исследуя имперфект совершенного вида в древнерусском языке, пришел к выводу, что «активное употребление имперфекта совершенного вида было характерной чертой южной части восточнославянской языковой зоны» [Зализняк 1995: 111].

вянской зоны, отличавшей ее как от старославянского и церковнославянского языка, так и от новгородско-псковской зоны» [Зализняк 2008: 99]. Опираясь на основополагающую работу Ю. С. Маслова, А. А. Зализняк подтвердил, что отмирание форм имперфекта совершенного вида в истории древнерусского языка шло двумя путями: во-первых, путем замены этих форм на формы несовершенного вида (и в дальнейшем, соответственно, на формы перфекта); во-вторых, заменой их формами презенса совершенного вида [Зализняк 2008: 99–100]. Вероятно, в карпатоукраинских говорах наряду с первыми двумя восточнославянскими заменами имперфекта совершенного вида представлен и третий путь — замена его на перфект совершенного вида, так же, как в истории польского и чешского языков [Маслов 1954: 96]. Ср. также положение в словенском языке, где глаголы совершенного вида «могут употребляться для выражения повторяющегося и узуального действия» [Плотникова 1977: 319]; показателен пример рассказа о старых обычаях, который записал в XVIII в. Янез Вайкард Валвасор (Janez Vajkard Valvasor): *V Kranju in okolici so imeli kmetje nekoč navado, da do se tretji dan po krstu zbrali botri ter okopali in umili krščenega otroka. Vodo, v kateri so skopali otroka, tako imenovano križmo, so zlili pod višnjo ali češnjo, če je bila deklica, ali pa pod oreh, če je bil fantek...* ‘В Кране и его окрестностях у крестьян когда-то был обычай, что на третий день после крещения крестные родители собирались, чтобы искупать и умыть крещёного ребёнка. Воду, в которой купали ребенка, так называемое «крижмо», выливали под вишню или черешню, если это была девочка, или под орех, если это был мальчик’ [Zablatnik 1990: 29].

5. Ирреальные условные конструкции без *бы

Речь идет о конструкциях, которые употребляются в условных придаточных, относящихся к прошедшему времени, т. е. в протасисе условных предложений в плане прошедшего. Такие предложения описывают альтернативное прошлое и тем самым выражают ирреальное условие. Для карпатоукраинских говоров (как и вообще для восточнославянских) обычно употребление частицы *бы* в обеих частях условной конструкции. При этом характерны формы плюсквамперфекта в одной или обеих частях.

В корпусе текстов из Русской Мокрой встретилось всего три примера условной конструкции в плане прошедшего, но все они без частицы *бы* в условиях (во второй части при этом *бы* присутствует). Каждый из примеров примечателен.

В первом случае в условии употреблен индикатив плюсквамперфекта (*бы* при этом присутствует в главном предложении):

To mát бы́ла-м ни хóт'ila, ta i убили бы бы́ли туды у т'урм'и го. ‘Так, если бы я не (за)хотела (его спасать), то и убили бы его там в тюрьме’.

В карпатоукраинских говорах уже отмечались отдельные примеры использования форм индикатива плюсквамперфекта в ирреальных значениях (в той или другой части условной конструкции), ср. пример из Синевира: *Прийшá бы бы́ла-сь до ня в Живный четвéрь, ta дáла бы́ла-м ти яйцé* ‘Ты бы пришла ко мне в Страстной четверг, и я бы тебе дала яйцо’ [МКЭ]; о регулярном использовании таких форм (в том числе вне условной конструкции) в двух конкретных говорах (лемковском на территории Словакии и прикарпатском) см. [Толстая 2023: 546 и сл.]. В закарпатских говорах, по-видимому, они встречаются только спорадически.

Во втором случае из Русской Мокрой употреблена конструкция, которую можно условно назвать «безглагольным плюсквамперфектом»:

Онí споминáйт и тепér' мен'í, ичо йáт бы́ла ни йá, ta мóже шóз' бы бы́ло бы́ло з' д'ítинов. ‘Они и теперь мне вспоминают, что если бы не я, то, может, что-то бы случилось с ребенком’⁵.

«Безглагольный плюсквамперфект» отмечен в текстах, написанных на гуцульском диалекте, но там **бы* присутствует (например, *A ек би була ни та вода, то би си був давно минув* ‘А если бы не эта вода, то ты бы давно пропал (погиб)’ [Шек.ДИ: 436]). Литературная украинская конструкция, соответствующая русской («если бы не X_{ном.}»), также содержит **бы*: *Все було би добрe, якщо би не ложка дъогтю!* В закарпатских говорах другие примеры «безглагольного плюсквамперфекта» пока неизвестны.

Третий пример из Русской Мокрой — фраза из былички (речь демонического персонажа, который не смог причинить вред мальчику, потому что тот наелся чесноку):

«Гéх’, — кáже. — Найів-ис’ с’а часныку, встих-ис’ ни йісти часныку, тó бы бы́в бы́в мýй тепér’». ‘«Эх, — говорит. — Ты наелся чесноку, если бы ты не ел чеснок (букв.: « успел бы ты не есть чеснока»), то был бы теперь мой»’.

Здесь в протасисе употреблена форма даже не плюсквамперфекта, а перфекта совершенного вида. В недоумение приводит и место отрица-

⁵ Во второй части этой фразы представлена форма плюсквамперфекта от глагола «быть», регулярно образующаяся в закарпатских говорах в отличие от гуцульских и прикарпатских (а также украинского литературного языка).

тельной частицы в этой конструкции. Но замечательно, что совершенно аналогичный пример записан в Синевире: *А ѿстїгли л'уде не прибічи, тай не знати, ішчо бы бýло з нýми бýло* ‘А если бы люди не прибежали (вовремя) (букв.: «успели не прибежать»), то неизвестно, что бы с ними было’ (об оглушенных молнией) [МКЭ], т. е., по-видимому, мы имеем здесь дело с устоявшимся оборотом (структура которого все же не совсем ясна). Что касается видо-временной формы глагола (*ўстїгли*), то она может иметь отношение к сюжету, рассмотренному в предыдущем разделе: согласно Ю. С. Маслову, в современном болгарском языке «модальное значение имперфекта совершенных глаголов — значение условного наклонения — является наиболее типичным» из модальных значений этой формы [Маслов 1954: 120].

И индикатив плюсквамперфекта, и перфект совершенного вида в условном значении обнаруживаются в примере из «палеогуцульского» украинского говора из румынского Марамороша: *Аж не^u ўгóдиў та буў-им не^u ўпаў, та ўтак буў н'a убýў на сме^uрт'. Алé стр'їлиў-им, так гор'їли^u, два ráзи. [...] лиши-им стр'їли^u та_ї тýл'ко шчáст'a маў, шо-м угóдиў-им у сáму голóбу маў, а ѹнак_им-буў гóтóвий*. ‘Если бы я не попал (в цель) и не упал бы, то так бы [медведь] меня убил до смерти. Но я выстрелил, так лежа на спине, два раза. [...] только я выстрелил и, на счастье, попал ему прямо в голову, а иначе я бы был готов (пропал)’, с. Кривой (Кривий) [УГР: 132].

6. Союзы в конце фразы (эмфаза)

Союзы *та* ‘и’ и *и чо* в говоре Русской Мокрой могут употребляться в абсолютном конце фразы, будучи при этом ударными. Такие употребления представляют усечение эмфатических оборотов, при котором эмфаза переносится на союз.

Соединительный союз *та* в конечном употреблении соответствует русскому ‘и всё’:

Hó тко маў богáто грóший, богáто rác тан'ц'овáв із молодóв. Та ткó ни маў грóший, та ráz затан'ц'у́є тá. ‘Ну у кого было много денег, много раз танцевал с невестой. А у кого не было денег, раз потанцует и всё’.

Tó с'аичéнник кладé, пýп, платóк на молодóу. Йак уже выйде с цéркви, ттó знімáйут коло цéркви тóт платóк тá. ‘Это священник надевает, поп, платок на невесту. Когда уже выйдет из церкви, то снимают около церкви этот платок, и всё’.

Йакós'-им íх ус'их пом'истила, по.. погодовáла, ичó бýло, ттó-м дáла, та. ‘Как-то я их всех поместила, угостила, что было, то я дала, и всё’.

Йá не робýла ю́сти тепéр'к[а] ничóго, абý лиши у цéркви. Спеклá-м так'и бúлочки дéв'ят', тай грóши, дéв'ят' одовиú'-им закликала старых, вдóв, до цéркви. Тám-им им дáла булки тты́ тá. ‘[В поминальный день] Я не готовила есть теперь ничего, чтобы только в церкви. Я испекла такие булочки, девять, и деньги, девять вдов я позвала старых, вдов, в церковь. Там я им дала булки эти и всё’.

Союз *ичто* в конце фразы под ударением выражает сильную эмфазу в конструкции *так ... ичто* (в русском языке для такого употребления нет прямого лексического соответствия):

Ta стрíл'áйут потóму тám д'íти, кладýт патróны у вáтру ттóу, та тák стрíл'áйут, ичто. ‘И стреляют потом там дети, кладут патроны в этот костер, и так стреляют, что (не дай бог)’ (о кострах на Пасху).

Тýй однá мóя подруга тák с'a мúчила за сútку, ичто. Нíйák ни моглá умérти. ‘Тут одна моя подруга так мучилась сутки, что (страшное дело). Никак не могла умереть’.

Убýли иí бýли л'ýде. Ужé вznáли, ичто вná перекыдáие с'a на вóвка. Пак тák иí убýли бýли, ичто. ‘Избили ее люди. Узнали, что она оборачивается волком. И так ее избили, что (ужас)’.

Такое же употребление союзов в конце фразы известно и в говоре с. Синевир [МКЭ]:

Типéр' бýт'кы нийé, типéр' не рóбл'ат бýт'ку. Ай вагóнчик прит'áгнуту дес' вýткыс' тái. А давнó бýт'ка бýла. ‘Теперь будки нет, теперь не делают будку. А вагончик притащат где-то откуда-то, и всё. А раньше будка была’; Нíч не рóбл'ат. Нийé робóты тái. ‘Ничего не делают. Нет работы, и всё’.

В синевирском говоре есть примеры параллельного употребления полного эмфатического оборота и усеченного до конечного союза:

A ткó с'a хвалиý, ичто згубíй? Пóдýмаў сðбí тай не казáй. Пак подýмаў, ичто нийé н'óго, тай и ус'ó, ичто згубíй тай нийé та и ус'ó, та шkóda н'a тái. ‘А кто хвалился, что потерял? Подумал про себя и не сказал. Подумал, что нет его, и всё, что потерял и нет и всё, и жалко мне и всё’.

Не хóче на н'á, кáже, дивíти, тай готóвойе д'ílo. Не хóче н'a вíd'iti тái. ‘Не хочет на меня, говорит, смотреть, и готовое дело. Не хочет меня видеть, и всё’.

Примеры из Синевира с союзом *и чо*:

Тотá тák худóбу дозíрат, и чо. А!.. Дозíрат. Йóй, бóже! ‘Она так ухаживает за скотиной, что (дай бог). А!.. Ухаживает. Ой, боже!’

С'н'íгу ўпáло ма́ло бы́ло тák немнóго, а йак пýшоў тákый велíкýй дóиц, тай тóм c'н'íx, а ростопи́ли дожéжí томы́ пýшилý, та томó дóже бýв.. тákí вóды бы́ли велíкí, и чо. ‘Сперва выпало немного снегу, а как пошел такой сильный дождь, и этот снег, растопили эти дожди, и это очень был.. такие воды были большие, что (не дай бог)’

Тай онí туды́ бы́ли, и вýн слúхав промóву Ленíна. Тотó пу́щачáли, то́ нарóда, то́ зýйдут с'а, казáв, тýл'ко, йак'íз губéрнíй бýли давнó, и чо. ‘И они там были, и он слушал речь Ленина. Это пускали, было (много) народа, сойдутся, говорил, столько, какие-то губернии были раньше, что (страшное дело)’

Дëс' п'ятнáц'у'ам' гóдóу типér' йаг бы бы́ла-с' приишлá. Йаг бы бы́ла-м бы упóвіла юс'о до слова, а тиپér' йа ичфóс.. и чо дáле, та йá гúлава стайú, и чо. ‘Где-то пятнадцать лет назад если бы ты пришла. Как бы я тебе (рас)сказала все до (последнего) слова, а теперь я что-то... чем дальше, я становлюсь (такая) никчемная, что (беда)’.

Ср. лексически выраженную эмфазу:

Такá, кáже, твéрdo бы́ла фáйна, и чо Сыне Бóжый, не мош с'а бы́ло надíвiti на то́му мérтву. ‘Такая, говорит, сильно была красивая, что Сыне Божий, нельзя было надивиться на эту покойницу’.

7. Эмфатическое употребление союза *колí*

Союз *колí* (нейтральное значение — ‘когда’) при употреблении вне придаточных предложений выражает эмфазу, соответствствуя русскому *как* (в примерах типа *как закричит!*), т. е. фактически имеет функцию частицы:

Та тýй сус'ítka, тám ичо р'ádom из нáми мáiе пóле, та покlála на сáму мéжсу д'ítíny, кол'áscu з' д'ítínyov. Колí с'а в'íтер изн'áv! н'íгдé хмáры ни бы́ло. ‘Тут соседка, там у нее поле рядом с нами, и положила на самую между ребенка, коляскую с ребенком. Как поднялся ветер! нигде тучки не было’.

Начáла с'а тýча-тýча такá. А д'ívчина — такá май малá бы́ла, йак нáши Vas'kó, — б'íгла двором. И колí тты д'ítínyu вz'álo за волóс'а, та на кúчу покlálo. На кúчу покlálo, ичás'u'a, ичо бýв.. д'ád'a увóн, та тты вхóпiv

д’ітіну. ‘Пришла большая туча. А ребенок — такой поменьше был на-
шего Васьки — бежал через двор. И как этого ребенка взяло за волосы
и положило на конуру! На конуру положило, счастье, что был дядя на
дворе и схватил ребенка’.

Та колі́ шчос’, кáже, лиши руку ув’ід’ила, йак ії ручищов грубов хом’іло
ухватити за воло́с’а. ‘И как что-то — говорит, только руку увидела, как
ее огромной ручищей чуть не схватило за волосы’.

Та доішч хом’ів падати, она пушлá отаву.. с’іно згр’ібати. Бóже, *колі́*
начáв с’а в’ітер, та знáите ттá.. пов’ітрұл’а, йак кáжут, тák менé
обн’áла отавов, шчо йá стáла йак йакáс’ копиц’а с с’іна. ‘А собирался
дождь, она пошла отаву.. сено сгребать. Боже, как поднялся ветер, и, зна-
ете, эта... повітуля, как говорят, так меня облепила отавой, что я стала
как какая-то копна сена’.

Она поклáла д’ітіну та грéпти пушлá... Бóже, *колі́* тóт в’ітер тýм
с’іном, ѹнде[...] тýхо было, н’їтдé. ‘Она положила ребенка и пошла грести
(сено)... Боже, как этот ветер этим сеном! в других местах [...] тихо было,
(не было ничего) нигде’.

Пушóв, нó ігрáв ү́лу ну́ч, та колі́ тто зáчало, выд дéвйат чáсу на вéчур,
ісходити с’а, тоты́ дийаволы́ вс’і. ‘Пошел, ну играл всю ночь, да как это
начало, с девяти часов вечера, сходиться, эти дьяволы все’.

Бýли.. одéн ѹевréй тýй торговáв, мáв магазíн, та кўл’ко зáйду, та.. за
грúди хáпле. Та *колі́-м* го урвала у пýсок у магазíн’i, — ты шчó, — кáжсу,
— дўмаши, кóго ты берéж за грúди? ‘Были... один еврей тут торговал, так
как ни зайду, за грудь хватает. Да как я дала ему в морду в магазине! —
ты что, говорю, думаешь, кого ты за грудь хваташь?’

Тýй i мáчоха в хýжи, i йá приишлá, та вýн имíв менé на нóс’ц’іл’i [éтом].
Колі́-м с’а упéлла ногóв та дры́лила нýм, кáжсу му — «Ты свýн’о...» ‘Тут
и мачеха дома, и я пришла, а он [румынский жандарм] схватил меня на
кровати, этот. Как я уперлась ногой и оттолкнула его, говорю ему — «Ты,
свинья...»’.

В других закарпатских говорах в этом случае употребляется «обыч-
ное» як ‘как’, ср. в записи из Синевира (где сохранена исконная связь
«как — так»):

«Йáк т’а ўдáр’у». Кáже, «йа тák т’а ўдáр’у, шо пýкнеш».

Bam’ *«йáк,* —
кáже, — ўдáр’у тобóй, ѹáк тобоу ўдáр’у, так ростýкнec’ с’а».

‘«Как дам
тебе!» Говорят, «я так тебе дам, что лопнешь». Или «как, — говорит, — тол-
кну тебя (букв. “ударю тобой”), как тебя толкну, так рассыплешься’ [МКЭ].

Можно видеть, таким образом, что в говоре Русской Мокрой структура значений этих союзов несколько смешена в пользу *коли*, причем, как показывает материал, не только в этой точке — сп.:

[...] тóже ни чу́ла-м за такé, но чу́ла-м коли одéн чолов'íк у цéркви сп'íвáв, правослáвный бы́в. Потóму перейшóв у бапт'íста, в'éрующíго. ‘Про такое я тоже не слышала, но слышала (про то), как один мужчина в церкви пел, православный был. Потом перешел в баптисты, «верующие»’.

В рамках настоящей статьи, разумеется, рассмотрены только выборочные черты синтаксиса говора села Русская Мокрая. Даже относительно небольшой корпус текстов из этого говора позволяет делать многие наблюдения над его грамматикой (см., в частности, о падежных конструкциях со значением времени: [Толстая 2024]). Ряд рассмотренных явлений обнаруживает параллели в западнославянских и южнославянских языках.

Литература и источники

- Гінзбург 2014 — *M. Гінзбург*. Про активні та пасивні конструкції в українських фахових текстах // Вісник Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Серія «Проблеми української термінології». 2014. № 791. С. 3–14.
- Добош 1971 — *B. I. Добош*. Синтаксис українських південнокарпатських говорів: Текст лекцій. Ужгород, 1971.
- Зализняк 2008 — *A. A. Зализняк*. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2008. 3-е изд.
- Кабанова 2010 — *A. C. Кабанова*. Архаичное и новое румынского инфинитива // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 202–207.
- Лавринець 2013 — *O. Я. Лавринець*. Пасивні конструкції з дієсловами на -ся в сучасній українській науковій мові: питання нормативності // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. М. Гоголя. Серія: Філологічні науки. 2013. Кн. 2. С. 90–97.
- Макара, Офіцінський 1995 — *M. Макара, P. Офіцінський*. Німці на Закарпатті (Х–ХХ ст.) // Німці на Закарпатті (Х–ХХ ст.). Ужгород, 1995. (Carpatica–Карпатика. Вип. 4). С. 5–21.
- Маслов 1954 — *Ю. С. Маслов*. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкоznания. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.
- МКЭ — Материалы Карпатских экспедиций Института славяноведения.
- Николаев 2012 — *C. L. Николаев*. Восточнославянские рефлексы акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. М., 2012. С. 32–189.

- Николаев, Толстая 2021 — С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из западнокарпатского села Русская Мокрая // Исследования по славянской диалектологии. М., 2021. Вып. 23. С. 238–280.
- Николаев, Толстая 2023 — С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из западнокарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура // Исследования по славянской диалектологии. М., 2023. Вып. 24. С. 246–312.
- Німчук 2004 — В. В. Німчук. Закарпатський говор // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004. С. 190–191.
- Нимчук 1988 — В. В. Нимчук. Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 294–313.
- Панькевич 1937 — Іван Панькевич. Чи можна говорити про болгаризми в південнокарпатських говорах? // Науковий збірник в 30. річницю наукової праці проф. д-ра Івана Огієнка. Варшава, 1937. С. 108–116.
- Панькевич 1938 — Іван Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938.
- Плотникова 1977 — О. С. Плотникова. Словенский язык // Славянские языки. (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М., 1977.
- РП — О. Лешка, Р. Шишкова, М. Мушинка. Розповіді з Підкарпаття. Українські говорікі східної Словаччини. New York; Praha; Київ, 1998.
- Сабадаш 2008 — Іван Сабадаш. Словник закарпатської говорки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- ТКАЗ — телеграм-канал: анікдоты по-закарпатськи, t.me/@aneky_po_nasomu.
- Толстая 2023 — М. Н. Толстая. Ирреальный эпизод в истории восточнославянских связок // От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М., 2023. С. 541–552.
- Толстая 2024 — М. Н. Толстая. Падежные конструкции со значением времени в украинском закарпатском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 25–27 октября 2024 г., М., 2024. С. 223–226.
- УГР — Микола Павлюк, Іван Робчук. Українські говори Румунії: діялектичні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.
- УЗГТ — Українські закарпатські говорки: Тексти / упор. та передм. О. Ф. Миголинець, О. Д. Пискач. Ужгород, 2004.
- УКРБТ — Успореден корпус на руски и български текстове / Великотърновски университет “Св. св. Кирил и Методий”: <http://rbcorpus.com> (дата обращения 20.09.2025).
- Шек.ДИ — П. Шекерик-Доників. Дідо Ivančík. Верховина, 2007.
- Bąk 1984 — Piotr Bąk. Gramatyka języka polskiego. Zarys popularny. Warszawa, 1984.
- Haderka 1964 — Karel Haderka. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках // Slavia. 1964. Roč. 33. Seš. 4. S. 505–533.
- Katičić 1986 — Radoslav Katičić. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1986.

- Klemensiewicz, Lehr-Splawiński, Urbańczyk 1964 — *Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, 1964.
- Kropaczek 1928 — *Stefan Kropaczek. Zwrot “accusativus cum infinitivo” w języku polskim* // *Prace Filologiczne*. 1928. Vol. XIII. S. 424–496.
- Kucharzyk 2024 — *Renata Kucharzyk. Kilka uwag o germanizmach składniowych w gwarach Małopolski południowo-wschodniej* // *Gwary Dziś*. 2024. Vol. 17. S. 91–104.
- Meyer 2010 — *Roland Meyer. Reflexive passives and impersonals in North Slavonic languages: a diachronic view* // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 285–306.
- NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego: <https://nkjp.pl/> (дата обращения 20.09.2025).
- Károly 1954 — *Sándor Károly. A magyar kettős tárgyú szerkezetek kialakulásáról* // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1954. Köt. LVI. Old. 149–153.
- srWaC — Serbian Web Corpus: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwac (дата обращения 20.09.2025).
- Toporišič 2000 — *Jože Toporišič. Slovenska slovnica*. 4., prenovljena in razširjena izd. Maribor, 2000.
- Zablatnik 1990 — *Pavle Zablatnik. Od zibelke do groba. Ljudska verovanja, šege in na-vade na Koroškem*. Celovec, 1990.

Summary

Marfa N. Tolstaya

From the syntax of the Transcarpathian dialect of the village of Ruska Mokra

Based on a published corpus of dialectal texts, this article examines certain syntactic and morphosyntactic features of the Ukrainian Transcarpathian dialect of the village of Ruska Mokra: the accusativus cum infinitivo construction; the dativus possessivus of personal pronouns; passive constructions with reflexive verb forms; the perfect tense for expressing repeated action (possibly a continuation of the ancient imperfect tense); unreal conditional constructions without *by; conjunctions at the end of a phrase (emphasis); emphatic use of the conjunction *коли*. These phenomena are considered against the general background of the Transcarpathian dialect of the Ukrainian language; a number of them show parallels in South Slavic and West Slavic languages.

Keywords: Ukrainian Transcarpathian dialect, syntax, accusativus cum infinitivo, dativus possessivus, passive constructions, imperfect tense of the perfect aspect, conditional constructions, pluperfect tense, finite conjunctions, emphasis, Carpathian-South Slavic parallels